

АРИЙСКАЯ ПРОБЛЕМА И БАКТРИЙСКО-МАРГИАНСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС

АСКО ПАРПОЛА

(Финляндия)

Арийская проблема. Открытие БМАК предоставило недостающее звено, необходимое для решения так называемой арийской проблемы, которая, в свою очередь, важна для интерпретации самого БМАК. Но что именно представляет собой "арийская проблема"? К началу I тысячелетия до н.э. на индоарийских языках говорили в Пакистане и Северо-Западной Индии, тогда как на близко родственных им иранских языках разговаривали в Центральной Азии и Иране. Но откуда пришли эти арийские языки, где сформировался первоначальный протоязык, как он разделился на две свои основные ветви, когда и каким путем арийские языки попали в области, где на них говорили с незапамятных времен? Археологические и лингвистические свидетельства, касающиеся этих проблем, представляют собой целый комплекс и было предложено много различных решений. В данном докладе речь идет о двух конкурирующих теориях. Первая помещает изначальную родину носителей арийского и индоевропейского языков в Анатолию, другая — в Индию.

Протоиндоевропейцы. Чтобы выяснить, где разговаривали на протоарийском языке, было бы несомненно полезно узнать, где говорили на родном языке протоиндоевропейцев. Важным хронологическим критерием является унаследованный (не заимствованный) словарный состав, связанный с колесным транспортом. По крайней мере, шесть таких слов можно реконструировать в индоевропейском протоязыке. Они относятся к моменту разделения протоиндоевропейского языка, приблизительно к 3500 г. до н.э., так как до этого времени нигде в мире не существовало колесного транспорта (Antony 1995). Распределение самых ранних обнаруженных перевозочных средств поможет в определении местонахождения той археологической культуры, где говорили на протоиндоевропейском языке. Эта культура через цепочку генеалогически родственных культур должна быть связана с теми, зачастую широко разбросанными областями, где впервые засвидетельствованы различные ветви индоевропейцев. Эти и прочие критерии предполагают в качестве наиболее подходящего кандидата культуру Среднего Стога (ок. 4500-3350 гг. до н.э.) в Украине (Malloy 1989). Главный преемник Среднего Стога, культура ямных погребений (приблизительно 3500-2800 гг. до н.э.), распространилась от Дуная до Урала. Позже она распространилась на культуры, от которых можно проследить греческие, армянские и арийские ветви. В Центральной Европе сильное влияние ямной культуры породило культуру шнуровой керамики, или боевых топоров (ок. 3300-2800 гг. до н.э.), которая быстро распространилась по всей Северо-Западной Европе, от Нидерландов до берегов Балтийского моря, то есть до областей, где прослеживаются протоформы италийского, кельтского, германского и бал-

то-славянских языков. Даже архаичный индоевропейский язык тохар, на котором некогда говорили в Синкьянге, можно связать со среднестоговской и ямной культурами через афанасьевскую культуру (ок. 3500-2200 гг. до н.э.) Южной Сибири.

Финно-угорские заимствованные слова. Важными лингвистическими указаниями на локализацию протоиндоевропейцев и протоарийцев являются слова, заимствованные протофинно-уграми из других языков. По всей вероятности, на протофинно-угрском говорили последующие культуры Льялово (ок. 5000-3650 гг. до н.э.) и Волосовская (ок. 3650-1900 гг. до н.э.) в Центральной России. Льяловская культура (характеризующаяся шнуровой керамикой) распространилась около 3900 г. до н.э. до Карелии, Финляндии и Балтийского моря (в этих областях распространилась гребенчатая керамика); на юго-западе, на Верхнем Доне, льяловская культура соприкасалась с верхнестоговской. Около 2300 г. до н.э., южную часть волосовской культуры перекрыла Абашевская культура (ок. 2800-1900 гг. до н.э.), являвшаяся одной из преемниц культуры ямных могил. В результате этого развития, отдельные общины, говорящие на протофинно-угрском, вероятно, имели элитное меньшинство, говорящее на протоарийском языке, чье последующее поглощение большинством оставило около ста арийских заимствованных слов в древнем финно-угрском. Количество таких слов отражает стадию лингвистического развития на полпути между протоиндоевропейским и поздней формой протоарийского языков, которые можно реконструировать путем сравнения индоарийского и иранского языков. (Karpelan, Parpola 2001).

Конная колесница и ее арийские божества. На Южном Урале Абашевская культура дала подъем культуре Синташта-Аркаим (ок. 2200-1080 гг. до н.э.), чьи погребения содержат самые ранние известные конные колесницы (приблизительно 2000 г. до н.э.). Евразийская степь является естественной средой обитания лошади, а следовательно, и наиболее вероятным местом впряжения лошади в колесницу. Культура Синташты-Аркаим является истоком андроновского культурного комплекса, который широко распространился в Южной Сибири и Центральной Азии между 1800 и 1300 гг. до н.э. Наибольшее количество форм колесниц происходит из этого региона и периода. С 1300 г. до н.э. река Урал оставалась границей между андроновскими культурами на востоке и родственными им культурами срубных погребений волжских степей на западе, приведших к дифференциации индоарийской и иранской ветвей.

В культуре Синташты-Аркаим аристократов хоронили вместе со своими лошадьми и колесницами. Насатьяс, или ашвины, как обожествленный тандем воина на колеснице и его возничего, по-видимому, стали в то время основными божествами прото-арийского пантеона. Распространение и типология нащечников колесничных лошадей свидетельствовали о том, что микенские греки получили свои конные колесницы через Юго-Восточную Европу из Южного Урала. Вместе с этим образцом мощи греки, видимо, получили и объединенную аллегорическую фигуру двух божественных всадников, Диоскуров. В религии балтов также были "сыновья (Неба) Бога", ассоциированные с конями, и они сватали солнечную деву (утреннюю зарю), как делали их арийские и греческие двойники. Диоскуры ассоциировались с двойным царским саном в Спарте, и

их почитали там как величайших богов. Это двойной царский сан был, по-видимому, протоарийского происхождения; в ведической Индии он служил показателем тесного сотрудничества царя и верховного жреца, который, как считается, играл роль царского возницы в древние времена (Parpola 2005).

Андроновская культура на юге Центральной Азии. Таким образом, родина арийского и индоиранского языков находилась в степях Южной России и на севере Центральной Азии. На этих языках в Южной Азии и Большом Иране разговаривали, по крайней мере, уже с 1000 г. до н.э. Носители индоарийских языков, которые создали гимны Ригведы, не могли прийти в Пакистан и Индию до 2000 г. до н.э., так как у них не было лошадей и колесниц, а одомашненная лошадь не фиксируется нигде в Южной Азии до 2000 г. до н.э. Это предполагает южное направление движения с севера Центральной Азии, через центральноазиатский юг (Туркменистан, Узбекистан, Таджикистан и Афганистан) во II тысячелетии до н.э. Юг Центральной Азии контролировался племенами БМАК примерно в 2500-1300 гг. до н.э.

Более того, археологические данные доказывают, что между 1800 и 1300 гг. до н.э. скотоводческие андроновские племена из северных степей прибывали на юг Центральной Азии все возрастающим потоком до тех пор, пока их полевые стоянки не окружили едва ли не каждое поселение БМАК (Gubaev, Koshelenko, Tosi 1998). Этот процесс, по-видимому, имел место в рамках их сезонных миграций и сложного товарообмена с земледельческим населением юга. Такой обмен продолжался веками и, конечно, повлек за собой двуязычие. Это подсказывает также тот факт, что на юге Центральной Азии возникли смешанные сообщества, которые сочетали скотоводческие (Андроново) и земледельческие (БМАК) традиции, как, например, вахшская и бишкентская культуры в Таджикистане.

Лингвистическая арианизация БМАК. Несомненно, что изначально БМАК был неиндоевропейским по своему языку, так как он обязан своим зарождением и великолепию культурам Южного Туркменистана, Элама, Ирана и Белуджистана. Несмотря на это, логично предположить, что БМАК лингвистически арианизировался, по крайней мере, на элитном уровне. Хотя андроновская культура пришла из северных степей в область БМАК, она не проследовала дальше, в Индию и Иран, и следовательно, не перенесла туда индоиранские языки. С другой стороны, БМАК распространился как в Иране, так и в Южной Азии (Parpola 1988; срав. также: Mallory 1998). Правда, в БМАК существует кое-что, заставляющее предположить присутствие носителей арийского языка. В хуррито-говорящем царстве Митанни на Ближнем Востоке (Сирия) индоарийские правители полностью переняли местную, захваченную ими культуру. Если их личные имена и имена арийских богов не были бы известны из клинописных документов, никто не смог бы даже предположить их наличие. В Митанни новый язык меньшинства отсек свои корни и, в конечном счете, был поглощен, но в случае с БМАК, арийский язык постоянно присутствовал повсюду.

Кроме того, нарушенная аристократическая могила в Зардча Халифа (Таджикистан), недавно продемонстрировала, что элита БМАК владела конной колесницей с нащечниками культуры Синташты-Аркаим (Бобомуллоев, 1998). Лошадь как новый художественный мотив появляется также на оружии и ци-

линдрических печатях БМАК. Погребение обезглавленного жеребенка на некрополе Гонура свидетельствует о практике жертвоприношения лошади у арийцев.

Митаннийские арийцы и БМАК. Цилиндрическая печать с Теле Гиссар IIIb демонстрирует лошадиную колесницу. Она относится к ранней периоду оккупации Северного Ирана племенами БМАК, характеризующимся серой керамикой Горгана (ок. 1800-1600 гг. до н.э.). Эта керамика считается основной среди той назойливой древней западно-иранской серой керамики, которая внезапно появляется в большом количестве повсюду на Эльбрусе, в Азербайджане и возле озера Урмия приблизительно в 1500 г. до н.э. Это как раз то время, когда власть в Митаннийском царстве в Сирии захватили носители протоиндоарийского языка. Протоиндоарийцы Митанни (ок. 1500-1300 гг. до н.э.) принесли на Ближний Восток термин, обозначающий воина на колеснице (хурритский *мариа-нну*, в индоарийском *мариа* — 'молодой человек, воин'). Они также научили хеттов ездить на колеснице: митанниец Киккули написал руководство по дрессировке лошадей для колесниц на хеттском языке, но его технические термины индоиранского происхождения. Гиршман (1977) возвел происхождение индоарийцев Митанни к Горгану, увязав также трубы БМАК с сигнальными трубами, использовавшимися в приемах ведения войны на колеснице. Археологические параллели между БМАК и Сирией (Сарианиди) указывают на оживленные отношения между ними, начавшиеся не позднее XX в. до н.э. посредством оловянной торговли, которую ассирийские купцы вели с Центральной Азией.

Носители индоевропейского языка и Яз I-II. БМАК сменила культура Яз I (ок. 1300-1000 гг. до н.э.), отличавшаяся ручной расписной керамикой, широко распространенной на юге Центральной Азии. Полное отсутствие погребений в течении этого и последующего периода Яз II наводит на мысль о проявлении характерной особенности погребального обряда у зороастрийцев (Francfort 1989). Незначительное количество керамики, представляющей собой простые изделия, украшенные наклепными глиняными волнами, предполагало ее восхождение к культуре Бабино (Черных) в Северном Причерноморье. По-видимому, иранские языки распространяются в Азию из Юго-Восточной Европы вместе со стремительной верховой ездой, которая, сменив устаревшую езду на колеснице, дала носителям индоевропейского языка преимущество над индоарийцами. Мидийцы и персы, по видимому, переселились в Иран из Центральной Азии в эпоху Яз II.

Две волны ведических арийцев. Возможно, что приход индоевропейцев в южную Центральную Азию заставил ригведических арийцев переселиться в Южную Азию приблизительно в 1300 г. до н.э. Эта основная волна переселенцев создала старейшие гимны, так называемые родовые книги (Ригведа II-VII). Эти гимны знают бронзу, аяс, но еще не знают железа, которое упоминается как "черный аяс" в немногим более поздней Атарваеде (ок. 1000 г. до н.э.). В Южной Азии этим переселенцам предшествовала более ранняя волна индоарийцев, чьи традиции отражены в более поздних, собранных книгах гимнов, сочиненных, главным образом, поэтами Канвой и Ангирассой (PB I, VIII-X и AB). Эти гимны являются единственными свидетельствами существования личных имен типа 'Имеющий бога X как своего гостя', известных из Митаннийско-

го царства. Культ Ашвинов, божеств на колеснице, также известен в них. Во времена Ригvedы культ Ашвинов преобладал, главным образом, среди родов Канва и Атри, живших в Гандхаре. (Parpola 2002a; 2005). Культура гандхарского могильника (ок. 1600-600 гг. до н.э.) — одна из самых ранних в Южной Азии, имевшая одомашненную лошадь (имеется две могилы лошадей), а ее материальная культура (включая керамику и практика захоронения посредством предания земле или кремации), считается происходящей от поздней фазы БМАК (Silvi Antony, Stacul 1972; Сарияниди 1990).

Дасы и ранняя фаза БМАК. Носителям протоиндоарийского языка синташта-аркаимского и андроновского происхождения, видимо, предшествовали, как аристократическая элита БМАК, ранние носители 'иранского языка'. Они могли прийти из полтавской культуры, которая сменила культуру ямных погребений в волжских степях (сравни "афанасьевские" находки в Саразме IV, 2300 г. до н.э.), не на конных колесницах, которых у них не было, но на колесницах, впряженных в быков (изображенных на серебряной чаше БМАК). Переселяясь в Южную Азию в позднехарапское время (Сибри, Чанху-Даро, Гилунд, Медные Склады), они принесли с собой "тантрический" культ богини (изначально ближневосточной) плодородия и победы, которой поклонялись в БМАК (планировка дворца Дашлы-3 является прототипом тантрической мандалы). В индоиранских пограничных областях, возможно в Восточном Афганистане (где все еще существуют БМАК-подобные поместья — кала и нуристанский язык с протоиранскими отличительными особенностями), ригведические арийцы захватили многие цитадели с многочисленными стенами, которые принадлежали враждебным дасам. Этническое имя военнопленных (даса) стало означать 'раба' в индо-арийском языке; оно соответствует слову 'человек, люди' в восточноиранских, вахическом и хотанском языках (Parpola 1988; 2002b).

ЛИТЕРАТУРА

Бобомуллоев 1998 — Бобомуллоев С. (Бостонгухар). Верховья Зеравшана во II тысячелетии до н.э. Душанбе, 1998.

Сарияниди 1990 — Сарияниди В.И. Древности страны Маргуш. Ашхабад, 1990.

Antony 1995 — Antony D.W. Horse, Wagon and Chariot. Indo-European Languages and Archaeology // *Antiquity*, Vol. 69, No 64, September.

Gubaev, Koshelenko, Tosi 1998 — Gubaev A., Koshelenko G., Tosi M. The archaeological Maps of the Murghab delta. Rome, 1998.

Karvelan, Parpola 2001 — Karvelan C., Parpola A., and Koskikallio P., ed. Early Contacts between Uralic and Indo-European: Linguistic and Archaeological Considerations. Helsinki, 2001.

Mallory 1989 — Mallory J. In Search of the Indo-Europeans. Language, Archaeology and Myth. London, 1989.

Parpola 1988 — Parpola A. The Coming of the Aryans to Iran and India and the cultural and ethnic identity of the Dasas // *Studia Orientalia* 64: pp. 195-302.

Parpola 2002a — Parpola A. From the dialects of Old Indo-Aryan to Proto-Indo-Aryan and Proto-Iranian (2002, in Indo-Iranian languages and peoples, ed. N. Sims-Williams. Oxford, 2002, pp. 43-102.

Parpola 2002b — Parpola A. Pre-Proto-Iranians of Afghanistan as initiators of Sakta Tantrism // *Iranica Antiqua* 37: pp. 233-324.

Parpola 2005 — Parpola A. The Nasatyas, the chariot and Proto-Aryan religion // *Journal of Indological Studies* 16-17: pp. 1-63.

Silvi Antonini, Stacul 1972 — Silvi Antonini C, Stacul G. The Proto-Historic graveyards of Swat (Pakistan). Vol.1-2. Rome, 1972.